

СОФЬЯ
АСТАШОВА

ЛЮБОВЬ

МОЯ

АНА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К80

В оформлении форзаца использована иллюстрация:

© artlabs / Shutterstock.com / FOTODOM

*Используется по лицензии от
Shutterstock.com / FOTODOM*

Cover illustration by Ally Zlatar

Асташова, Софья.

К80 **Любовь моя Ана / Софья Асташова. — Москва :**
Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-206790-7

«Ана» – божественное олицетворение болезни, которая заставляет девочек и женщин вставать на путь медленного самоубийства. Она может начаться с невинной диеты, а закончиться трагическим исходом. История жизни с анорексией рассказана изнутри болезни – честно, без украшательств и замалчиваний. Где-то вдалеке будет мелькать непростой путь к исцелению, состоящий из срывов, голода, отвесов, снова срывов и тотального непонимания окружающих.

«Любовь моя Ана» – вторая книга Софьи Асташовой, составляющая диологию с романом «Вероятно, дьявол». В первой рассказана история разрушительных неравных отношений, а во второй – не менее разрушительный опыт жизни с расстройством пищевого поведения – загадочной болезни, которая в наше время достигает масштабов эпидемии.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Асташова С., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206790-7

Умирать
Искусство не хуже прочих. В нём
Я достигла изрядного совершенства.
Сильвия Плат. Госпожа Лазарь

Как женщина я скорее Кинг-Конг, чем Кейт Мосс.
Виржини Депант. Кинг-Конг-теория

Пролог

Я была создана для того, чтобы стать худой. Голод был моим предназначением с самого раннего детства. Даже когда в возрасте трёх лет, лёжа на турецком ковре с бахромой, я слизывала с пергаментной бумаги, как кошечка, подтаявшее сливочное масло, знала, что спустя какое-то количество лет лишу себя еды, чтобы быть худой. Анорексичкой. Ей я и была.

Анорексичка — это слово я смаковала на языке, как самое сладкое лакомство. Ничто по вкусу не сравнится с этим словом. Анорексичка. Анорексичка — это оргазм. Лучше, чем оргазм. Лучше, чем все оргазмы мира. Я улыбалась, представляя, как на моей могиле полужирным шрифтом с засечками напишут: «Она заболела анорексией до того, как это стало мейнстримом». Я хохотала, когда придумала себе эпитафию:

*Лёгкая, как птичка,
Она была анорексичкой.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дядя Саша

— Как это не хочешь шоколадку?
Шоколадку все хотят.

Дядя Саша

Мимо прошёл мужчина с красной коробкой чокопая под мышкой. Коробка нарядно блестела глянцевыми углами. В коробке, кажется, их двенадцать штук. Он съест их один или с кем-то поделится? Они такие мягкие и такие приторно-сладкие, что в обморок можно хлопнуться.

Я никогда особо не любила чокопай, но впиалась в эту коробку жадным взглядом. Даже на расстоянии, через обёртку я слышала, как они дышат тихонько. Во мне поднялись и ярость, и злость, и всё сразу. Затуманенный от нехватки жиров мозг куда-то понесло. Я пошла за незнакомцем, будто кто-то невидимой рукой потянул за верёвочку. Этот мужчина владел сокровищем. Он был богат, как король. А я кто? Я никто. Не человек. Анорексичка.

Когда мужчина запрыгнул в проезжающий мимо троллейбус, я остановилась и сморгнула картину, которая всё то время, что я следила за ним, — нет, за коробкой — стояла перед глазами: я разрываю пластик обёртки и засовываю пирожное в рот це-

Софья Асташова

ликом, уминаю его пальцами, чтобы влезло, размазываю шоколадные крошки по лицу и, толком не прожевав, берусь за следующее. Вокруг так много еды. Слишком много. Я никогда к этому не привыкну.

Я так пристально следила за чокопаем, что сбилась с намеченного пути. Пришлось развернуться и пойти в обратную сторону. Я шагала по теневой стороне улицы, вглядываясь в противоположную. Брела и смотрела на вывески длинного ряда домов: «Аптека», «Продукты», «Вина, воды, соки», «Табак». Я хотела и того и другого, то есть всего сразу. Но это невозможно.

Я направлялась в художественный музей, где открывалась выставка местных фотографов. Шла пешком по жаре, потому что было лето и потому что надо было сжигать калории. Какие-то мифические калории, которые я сегодня не употребляла, но сжигать всё равно надо. Калории, я была убеждена, берутся из ниоткуда, из воздуха, и их надо сжигать под палящим солнцем. Впрочем, солнце уже садилось, на асфальте лежали длинные тени. Я смотрела на свою тень, и у меня сладко засосало под ложечкой. Ноги вытягивались в две тонкие линии и не соединялись ни в одной точке, они были далеко друг от друга, как два острова, которые никогда не встретятся. Ради этого я жила или, скорее, умирала. Руки тоже не соприкасались с телом. На мне были туфли на танкетке. Я старалась идти модельной походкой, как в передаче «Топ-модель по-американски», которую смотрела каждое утро перед учёбой. Девушки в программе не казались мне слишком худыми и, соответственно, слишком красивыми. Сравнивая

себя с ними, я находила, что у меня кости под кожей выпирают даже больше, чем у моделей.

Одно время я мечтала стать моделью. Пожалуй, многие девочки, рождённые в девяностых, когда гремела слава Натальи Водяновой, Наоми Кэмпбелл и, конечно, неподражаемой Кейт — королевы героинового шика — Мосс, мечтали об этом. Но мне не хватило роста, каких-то десяти сантиметров. Это ничего. Потом появилась новая мечта — стать самой худой анорексичкой. Здесь, к счастью, рост не имел никакого значения. А что, собственно, имело?

Голод. Голод имел значение. Голод — это наркотик со вкусом родниковой воды, клубничной жвачки и обжигающего чёрного кофе. Если ты хоть раз испытала, каково это — чувствовать кайф от голода, то никогда уже не вернёшься к нормальной жизни. И я выбрала его. Я выбрала Ану.

Мне нравилось ощущать голод — он стал моим спутником. Испытывая его, я чувствовала вдохновение, а не вину. Я больше всего на свете любила Ану, и она была рядом. Это был наш медовый месяц, который растянулся на годы. О чём ещё мне было мечтать?

Анорексия — это не обтянутые кожей кости и торчащие рёбра. Это нечто большее. Нечто внутри меня. Анорексия — предел мечтаний и цель жизни. Даже само это слово — «анорексия» — неординарное, дерзкое, но безудержно родное. Это на самом деле что-то особенное.

Ана принимает тебя любой: высокой или низкой, ребёнком или взрослой, с высшим образованием или без, одарённой или бездарной — и создаёт из посредственности совершенство.

Софья Асташова

Она гордится мной, когда за день я съедаю свой минимальным минимум. Она шепчет мне на ухо: «Ты сильная. Ты такая сильная». Но как только я начинаю есть — она отдаляется. С каждым днём всё дальше. Каждый день я стараюсь её вернуть. Почему? Потому что мне с ней хорошо. Мне нравится, едва проснувшись, ощущать под пальцами своё тело — хрупкое свидетельство моих усилий. Она не враг, она моя подруга, и она не бросит меня. Я это прекрасно знаю. Она не болезнь, она моя подруга. И она любит меня. Любит как-то по-особенному.

Каждое утро неведомая сила выталкивает меня из постели. Хотя почему «неведомая»? Сила вполне себе известная — голод. Если и удавалось заснуть на пару часов, снился один и тот же ужасающе реалистичный сон. Снилось, что я встаю с кровати, иду на кухню, открываю холодильник. Без разбора хватаю еду и заталкиваю в себя. На тёмной кухне в свете открытого холодильника руками зачерпываю гречку из кастрюли. Вылизываю банку сметаны. Проглатываю виноград с косточками. Ем и рыдаю. Ем и рыдаю. Ночной кошмар был липким от шоколада, солёным от рыбы, жирным от сливок. Я просыпалась в ужасе и слезах. Кошмар из снов всё чаще проникал в реальность, и я испытала страх от надвигающегося неминуемого конца. Один неверный шаг, и тебя засосёт. Эта картина не исчезала с пробуждением. Я долго ощупывала впадины тела и только тогда успокаивалась.

Сначала кажется, что ты умрёшь от спазмов в животе и слабости, но потом чувствуешь, будто рожда-

ешься заново. Так и есть. Теперь это новая я — сильная и свободная от еды. В голодные игры играют только сильные.

Вырабатывается энергия из ниоткуда, и ты начинаешь получать удовольствие. Пьянящее полубморочное состояние — кружится голова, тело потряхивает, в глубине живота порхают бабочки. Я почти не чувствовала землю под ногами. Я такая лёгкая, что кажется — раз — и улечу. Испытав такое однажды, я уже не могу забыть это чувство, я хочу снова и снова ловить волну этого призрачного удовольствия, незримого полёта, лёгкости и невесомости.

Все мысли постоянно и неизменно занимает лишь одно страстное желание: худеть. Ты не ешь. Не спишь из-за голода. Совершенно нет сил. Тяжёлые ноги, руки. Головокружения. Предобморочное состояние. Всё вместе это создаёт эффект такой лёгкости, что я чувствую себя невесомой. Я люблю это. Я получаю удовольствие от изнеможения.

Когда я не ем, у меня открывается «второе дыхание». Когда я не ем, мне кажется, что я становлюсь лучше. И я понимаю, что прошла слишком большой путь, чтобы свернуть с него.

Утром и вечером я становлюсь на весы. Я не люблю нечётные числа, поэтому всегда стремлюсь побыстрее проскочить нечётное число на весах. И хотя я вешу тридцать килограммов, я не особо обольщаюсь — вижу себя в весе двести плюс. Охватывает неизъяснимая грусть, и я предчувствую, что когда-нибудь это случится со мной.

Софья Асташова

Теряя килограмм за килограммом, хочется скидывать ещё и ещё. Даже когда я пытаюсь забыть свою мечту, внушаю себе, что этого никогда не будет и я не смогу достигнуть цели, у меня начинается безумная нехватка этой пустоты в желудке, дрожи в ногах, головокружения и того особенного нервного вдохновения.

На телевизионную программу «Пусть говорят» с Андреем Малаховым приходили девочки худее меня. Это злило, но и придавало решимости. Мотивировало. Кажется, кто-то из героинь после эфира умер. Вся страна увидела их такими худыми, а потом Ана убаюкала их в своих объятиях и сделала своими сестрёнками на небесах. Я подняла взгляд вверх, пытаюсь рассмотреть на облаках девочек-ангелов, которые машут мне тоненькими ручками-косточками, призывая к себе, но ничего не увидела, кроме сиреневого закатного неба. Голова закружилась. Это хороший знак — значит, я худею. Становлюсь легче. На мне была короткая обтягивающая юбка с цветочным принтом и маленький сетчатый топ, облегающий, как вторая кожа. Я шла и украдкой трогала себя за острые рёбрышки, чтобы удостовериться, что они не обросли плотью, остались такими же острыми, такими же хрупкими под пальцами.

Я всё время трогала себя за кости. Когда просыпалась и перед тем, как заснуть, когда шла по улице, когда сидела на лекциях, когда смотрела телевизор и когда принимала душ. Я была безразлична ко всему, кроме костей. Моим любимым местом была впадина в районе солнечного сплетения. Подно-

сишь к ней палец и не ожидаешь, что он так глубоко провалится, но он приятно утопает в ней и чувствует мелкие косточки там, где раньше их никогда не было. В голове происходит взрыв, по-другому это не назовёшь, взрыв от того, как явственно сквозь кожу можно ощутить свои кости. От того, как меня становится заветно мало. К этому я стремилась — стать как можно меньше. Просыпался азарт. Хотелось погрузиться в себя ещё глубже.

Я так увлеклась, так засмотрелась на свою изящную тень, что нога на танкетке подвернулась, я взмахнула руками, стараясь удержать равновесие. Вообразив, как это выглядит со стороны, сквозь боль я рассмеялась. Я представила, что была похожа на хрупкую птичку, взмахнувшую крылышками.

Администрация города переделала участок дороги в прогулочную аллею. Я шла под тополями, которые росли повсюду, в сторону музея, аккуратно переставляя ноги после неудавшегося падения и демонстрируя своё восхитительное тело. Идти оставалось недолго. В тени деревьев я тут же почувствовала озноб. Летом я мёрзла. Холод бил из самого сердца, словно там началась жестокая зима — мороз градусов под сорок. Это тоже хороший знак. По голым рукам побежали мурашки, и я ещё крепче обняла себя, когда услышала за спиной мужской шёпот:

— Какая девушка, какая фигура! Идеальная!

Я осмотрелась вокруг. Эти слова обращены ко мне? К кому же ещё! У кого ещё на этой улице могла быть идеальная фигура? Правильно, ни у кого. Идеальная — это я. Это про меня.